

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ № 170–11/2021

14 октября 2021 года

Санкт-Петербург

Производство исследования начато: 15:15 05 сентября 2021 года
приостановлено¹: 17:30 24 сентября 2021 года
возобновлено: 14:30 11 октября 2021 года
окончено: 19:45 14 октября 2021 года

Специалисты: **председатель комиссии специалистов специалист-лингвист Жарков Игорь Вениаминович**, имеющий высшее филологическое образование, специальность: «лингвист, специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка» (диплом с отличием РВ № 579491 выдан 06.07.1989 Ленинградским ордена Ленина и Трудового Красного Знамени государственным университетом), ученую степень кандидата филологических наук (диплом КТ № 017433 от 27.10.1995, специальность: «10.02.21 - Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10.01.2020, выдано решением ЭКК Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г. (прот. № 11), стаж экспертной работы в области лингвистической экспертизы с 2002 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 32 года, действительный член РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), член правления ГЛЭДИС, начальник научно-методического отдела ГЛЭДИС, являющийся одним из авторов методических рекомендаций по вопросам лингвистической экспертизы: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ*. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010 (*Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора*), имеющий благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам; **специалист-лингвист Суворов Михаил Николаевич**, имеющий высшее филологическое образование по специальности «Востоковедение. Африканистика», квалификацию «востоковед-филолог (арабская филология)» (диплом с отличием ЦВ № 687919 выдан 26.06.1996 Санкт-Петербургским государственным университетом), ученую степень доктора филологических наук (диплом ДДН № 021851 от 18.10.2012),

¹ Исследование по согласованию с его инициатором адвокатом Д. М. Давиденко было приостановлено до получения специалистами материалов, приобщенных к уголовному делу на стадии судебного следствия, к которым, по сообщению адвоката Д. М. Давиденко, у стороны защиты отсутствовал доступ в связи с нахождением председательствующего судьи в отпуске, и иных материалов уголовного дела, сформированных на стадии производства в суде первой инстанции.

ученое звание доцента по кафедре арабской филологии (аттестат ДЦ № 049260), стаж экспертной работы в области лингвистической экспертизы менее 1 года, стаж научной деятельности и работы по специальности — 25 лет; **специалист в областях истории и религиоведения** Дубровский Дмитрий Викторович — кандидат исторических наук (диссертация посвящена религиозным обычаям народов Центральной Азии), выпускник факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, с 1994 по 2015 гг. — ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, в настоящее время — научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, доцент факультета социальных наук НИУ-ВШЭ (Москва), стаж научной деятельности и работы по специальности с 1994 г., стаж проведения экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, — 17 лет, провел более пятидесяти экспертиз и экспертных исследований, научный руководитель проекта по социологическому исследованию специальной судебной экспертизы в антиэкстремистском законодательстве РФ, —

на основании Договора № 170–11/2021 от 11.08.2021 года, заключенного ООО «Центр независимой экспертизы «Петроградский Эксперт» и адвокатом Давиденко Дарьей Михайловной, произвели настоящее **комплексное историко-религиоведческо-лингвистическое экспертное исследование** представленных материалов.

Обстоятельства дела:

известны специалистам из представленных материалов уголовного дела № 1-127/2021 (номер дела на стадии предварительного следствия 12007270001000031) по обвинению Хаяури Али Магомедовича в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 205.1 УК РФ, ранее находившегося в производстве Второго Западного окружного военного суда как суда первой инстанции, в объеме представленного.

На исследование представлены (в электронных копиях):

1. т. 1 указанного уголовного дела (л. д. 1–299);
2. т. 2 указанного уголовного дела (л. д. 1–283);
3. т. 3 указанного уголовного дела (л. д. 1–413);
4. т. 4 указанного уголовного дела (л. д. 1–18);
5. протокол от 02.06.2021 ознакомления обвиняемого и его защитников с материалами указанного уголовного дела, на 8 л.;
6. обвинительное заключение по указанному уголовному делу, составленное следователем СО УФСБ России по Калининградской области лейтенантом А. А. Ткаченко, утвержденное 17.06.2021 заместителем прокурора Калининградской области старшим советником юстиции К. В. Воронцовым, на 26 л., с приложением на 4 л.;
7. фонограммы в формате .m4a с аудиозаписями допросов свидетеля А. П. Кадимагомедова и специалиста Р. Ф. Патеева в судебном заседании и составленные стороной защиты стенограммы указанных фонограмм;
8. дубликат от 04.09.2021 (зарегистрирован в реестре за № 78/71-н/78-2021-25-245) протокола осмотра письменных доказательств, составленного 09.02.2021 на бланке 78 А В 0804976 Г. А. Петровым, временно исполняющим обязанности нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга О. В. Горошиной,

зарегистрированного в реестре за № 78/71-н/78-2021-3-514, с приложением, всего на 14 л.;

9. дубликат от 04.09.2021 ответа ПАО Сбербанк от 12.03.2021 по обращению № 210118-0094-964400 от 18.01.2021, на 2 л.;
10. дубликат от 04.09.2021 ответа ПАО Сбербанк от 12.03.2021 по обращению № 210118-0096-497600 от 18.01.2021, на 2 л.
11. ходатайство адвоката Р. М. Хаяури в защиту подсудимого А. М. Хаяури от 12.08.2021 о приобщении доказательств (ответа ПАО Сбербанк от 12.03.2021 по обращению № 210118-0096-497600 от 18.01.2021; ответа ПАО Сбербанк от 12.03.2021 по обращению № 210118-0094-964400 от 18.01.2021), на 1 л.;
12. приговор (обвинительный) по указанному уголовному делу, вынесенный 13.08.2021 Вторым Западным окружным военным судом в составе председательствующего А. А. Морозова, судей В. В. Бакина и Д. А. Дзадзиева, на 8 л.;
13. апелляционная жалоба от 22.08.2021 на указанный приговор, составленная адвокатом Р. М. Хаяури, в защиту осужденного А. М. Хаяури, на 12 л.

10 октября 2021 г. **дополнительно представлены** (также в электронных копиях):

14. т. 5 указанного уголовного дела (л. д. 1–230);
15. т. 6 указанного уголовного дела (л. д. 1–199).

Перед специалистами поставлены вопросы:

1. Каково смысловое содержание письменного продукта речевой деятельности — словесного сообщения «Мухаджирун», направленного, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 22.02.2016 в 17:26:27, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела?
2. Каково смысловое содержание письменного продукта речевой деятельности — словесного сообщения «Газа», направленного, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела?
3. Может ли слово «Газа» в указанной коммуникативной ситуации трактоваться как слово, заимствованное из арабского языка; если да, то что это слово означает в переводе с арабского языка на современный русский язык?
4. Какими лингвистическими, историческими и религиоведческими свойствами характеризуется понятие «газават»?
5. Соответствует ли современной речевой практике трактовка слова «Газа» при его употреблении в современной русскоязычной среде, в том числе в речевой практике российских мусульман или какой-то их подгруппы, как производного от слова «газават»; является ли такая трактовка допустимой и возможной с лингвистической и религиоведческой точек зрения?

6. Как с лингвистической и религиоведческой точек зрения может быть охарактеризовано содержание показаний свидетеля А. П. Кадимагомедова, данных им в ходе допроса на стадии предварительного следствия и допроса в судебном заседании по данному уголовному делу? В частности, являются ли сообщенные указанным свидетелем сведения корректными с лингвистической и религиоведческой точек зрения?
7. Как с лингвистической и религиоведческой точек зрения может быть охарактеризовано содержание показаний специалиста Р. Ф. Патеева, данных им в ходе допроса в судебном заседании по данному уголовному делу? В частности, являются ли сообщенные указанным специалистом сведения корректными с лингвистической и религиоведческой точек зрения?

ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Методические основы проведенного исследования.

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В основу методики лингвистического исследования положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по теории и практике судебной экспертизы [3, 4, 5, 8 и др.] и в работах по лингвистической экспертизе (род экспертизы, соответствующий экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей, отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.) [1, 2, 7, 16, 17, 19, 39]. При производстве исторического исследования применялись источниковедческий и сравнительно-исторический методы. При производстве религиоведческого исследования применялись метод источниковедения, социологический метод.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования, определяемой исходя из содержания поставленных перед специалистами вопросов и с учетом известных специалистам обстоятельств дела, относящихся к природе конфликтной ситуации (обстоятельства уголовного дела по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 205.1 УК РФ), которая является источником настоящего экспертного исследования, рассматриваемого специалистами с точки зрения общей теории судебно-экспертной деятельности, послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации 1993 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

5. Федеральный закон «О противодействии терроризму».
6. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
7. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».
8. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».
9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

1.2. Литература

При проведении исследования использовалась научная и методическая литература, словари, иные справочные издания и электронные ресурсы. В том числе:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;

13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
19. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
20. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.40-65.
21. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
22. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
23. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скаяревской. — М.: Эксмо, 2006.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
26. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
27. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
28. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
29. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
30. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
31. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
32. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
33. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
34. Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
35. Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.

36. Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
37. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
38. Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
39. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
40. В. И. Казарина. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
41. Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
42. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
43. О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
44. В. Шмид. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
45. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
46. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Изд. 5-е, переработанное и дополненное. М.: Изд-во «Русский язык», 1976.
47. Гиргас В. Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Изд-во «Диля», 2006.
48. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
49. Коран / пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. — М.: СП ИКПА, 1990.
50. Коран / пер. с араб. Г. С. Саблукова. — Казань: Центральная типография, 1907.
51. Коран / пер. с араб. и коммент. Б. Я. Шидфар. — М.: Изд. дом Марджани, 2012.
52. Тезаурус по истории и культуре ислама / под ред. А.Д. Кныша, О.И. Редькина, О. А. Берниковой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.
53. Ал-Му‘джам ал-‘араби ал-хадис (Новый арабский толковый словарь) / сост. Халил ал-Джурр. — Париж: Изд-во «Ларус», 1987. (на араб.)
54. Quranic Arabic Corpus ([URL: corpus.quran.com](http://URL:corpus.quran.com))
55. Steingass F. A Learner’s Arabic-English Dictionary. Beirut: Librairie du Liban, 1978.
56. Газа 2018 Электронная еврейская энциклопедия https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/11006/?fbclid=IwAR3vC69Aztm3fZf_KKK8lRBp3oUWwIo7R95159Wpy7ZLouJA2F0LZgAB6gA.
57. Газават 2018 Газават: священная война мусульман. // Islam Global <https://islam.global/obshchestvo/islamskoe-pravo/gazavat-svyashchennaya-voyna-musulman/>.
58. Баширов Л.А. Исламская концепция джихада // Государство, религия и церковь в России за рубежом, т. 25, № 3, 2007, с. 211–234.

59. Горин А.А., Силаева З.В. Северо-Кавказский имамат: опыт изменения массового сознания и радикализации религиозного вероучения // Вестник экономики, права, и социологии. 2017. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/severo-kavkazskiy-islam-at-opyt-izmeneniya-massovogo-soznaniya-i-radikalizatsii-religioznogo-veroucheniya>.
60. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
61. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Записки Бухарского гостя. М, Восточная литература, 1966.
62. Islamic Lands / Ed. P. M. Holt. University of Cambridge. 1970 – P. 569–573.
63. Schaefer, Robert W. The insurgency in Chechnya and the North Caucasus : from gazavat to jihad. Praeger, 2010.
64. Smith D. Al-Muhajiroun // IPCS special report. # 2, 2005. <https://www.files.ethz.ch/isn/100234/IPCS-Special-Report-02.pdf>.
65. Lewis B. The Political Language of Islam – Chicago: University of Chicago Press, 1991.
66. Firestone R. Jihad: The Origins of Holy War in Islam. – Oxford: Oxford University Press, 1999 .
67. Water 2020. Water in Gaza- Scarce, polluted, and mostly unfit for use. Israel Information Center for Human Rights in the Occupied Territories. August 21st., 2020 <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/water-gaza-scarce-polluted-and-mostly-unfit-use>.
68. OCHA 2011. Humanitarian situation in Gaza strip. October 2011. UN Office of coordination of humanitarian affairs occupied Palestine territory https://unispal.un.org/pdfs/OCHA_Gaza-HumSituation.pdf.
69. Энциклопедия хадисов. <https://hadis.uk/>.

1.3. Понятийный аппарат и основные методические положения

Подлинное содержание и свойства текста как продукта речевой деятельности выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как информация, высказывание, контекст, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- фактологической — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- обобщающей — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- этически оценочной — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- концептуально-аналитической — о природных или социальных закономерностях, причинно-следственных и иных связях между явлениями реальной действительности;
- директивной — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы,

требования, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — вопрос, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями). Адресат директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Источник информации (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь, Как сообщил В. В. Иванов, Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента, не пожелавший себя назвать*), — а также неопределенными (*По слухам, Как говорят все, По некоторым сведениям, Как нам стало известно*).

Форма сообщаемой источником информации может быть как устной, так и письменной. В последнем случае в качестве непосредственного источника следует рассматривать информацию, записанную на воспринятом говорящим материальном носителе: документы, иные письменные тексты, аналоговые и цифровые записи речи, электронно-цифровые базы данных и т. п.

Классификация информации (сведений) по ее характеру, содержанию подлежит учету при исследовании текстов протоколов допроса. Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет показания свидетеля как сведения, сообщенные им на допросе и зафиксированные в установленном законом порядке. Предметное содержание показаний свидетеля по уголовному делу составляют сведения об обстоятельствах совершения преступления, его подготовки или сокрытия, о фактических последствиях совершенного деяния, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение доказательственных фактов.

В общем случае свидетель может давать показания о фактических обстоятельствах, которые он воспринимал непосредственно (такие показания трактуются как первоначальные доказательства), и об обстоятельствах, которые известны ему из посторонних источников: со слов других лиц, из документов, с которыми он ознакомился, и т. п.

В последнем случае следует различать характер передачи сведений: дословный либо описательный. При дословной передаче информация передается свидетелем без дальнейших искажений, посредством точного цитирования. В случае описательной словесной передачи свидетель неизбежно вносит элемент личной интерпретации передаваемых им сведений. Следует учитывать, что в акте коммуникации (как устной, так и письменной) смысл, вкладываемый в сообщение отправителем сообщения (адресантом), не является тождественным тому смыслу, в котором сообщение было воспринято слушающим (адресатом). На кодирование и декодирование информации средствами естественного языка влияют социальные и индивидуальные особенности языковой системы соответственно говорящего и слушающего.

С учетом изложенного, свидетельские показания о фактических обстоятельствах, которые допрашиваемое лицо воспринимало опосредованно и которые известны ему из посторонних источников: со слов других лиц, из документов, с которыми оно ознакомилось, и т. п., — в случаях, когда они не являются дословными, неизбежно включают в себя субъективную интерпретацию свидетелем передаваемых им сведений, в том числе о содержании устной речи третьих лиц или прочитанного им письменного текста. Сказанное касается как собственно смысла тех или иных словесных конструкций

(продуктов письменной или устной речевой деятельности), так и, например, выбора тех элементов содержания протяженного текста (письменного или устного), которые свидетель полагает наиболее существенными и заслуживающими их включения в составленное им описание этого текста.

В случаях, когда источник сведений, на который эксплицитно или имплицитно ссылается свидетель, доступен среди материалов уголовного дела для его непосредственного изучения, объективно присущее этому источнику содержание может и должно устанавливаться в результате исследования (в том числе специального) самого этого источника, но никак не на основе заведомо искаженных и неизбежно субъективных, как показано выше, его описаний, которые можно наблюдать в показаниях свидетеля, рассказывающего не столько об объективном смысловом содержании того, что он услышал или прочитал, сколько о своем субъективном восприятии этого содержания, единственно доступном данному свидетелю.

Сказанное полностью согласуется с административной практикой, существующей в судебно-экспертной сфере, и нормативно-правовыми актами, ее регулирующими. Так, в Информационном письме ЭКЦ МВД России «О производстве лингвистических исследований по материалам экстремистской направленности» № 37/8-7816 от 29.11.2011 отмечено: «Текст, подлежащий исследованию, не может быть заменен другим текстом (текстами), опосредованно представляющими ситуацию или содержание текста. Так, **не принимаются в качестве объектов исследования материалы уголовного дела, показания свидетелей, в которых пересказывается устный или письменный текст**, являющийся предметом разбирательства. Например, если необходимо провести лингвистическое исследование по публичному выступлению, то **протоколы допросов свидетелей и потерпевших не могут собой заменить непосредственный текст речевого преступления** по причине того, что по данным текстам невозможно установить значимые лингвистические характеристики высказываний. На исследование в данном случае необходимо представлять фонограмму или видефонограмму, непосредственно фиксирующую выступление».

Возможны также искажения описываемых свидетелем сведений, почерпнутых из третьих источников, возникающие не только на стадии их восприятия свидетелем, но и на стадиях запоминания, хранения в памяти и воспроизведения. Последние могут быть обусловлены как психологическими особенностями его личности или состояния, так и особенностями присущего свидетелю идиолекта.

В текстах, относящихся к жанру протокола допроса, с учетом требований ч. 2 ст. 190 УПК РФ («Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно»), практически неизбежным является наличие информации, не относящейся к фактическому типу и представляющей собой оценочные и обобщающие суждения, рассуждения, умозаключения, логические и обобщающие выводы.

При этом значение для разрешения дела могут иметь только сведения о воспринятых и запомненных свидетелем фактах, но не оценки и логические выводы свидетеля, отражающие присущие ему особенности мышления, опирающиеся на субъективный отбор исходных посылок и субъективный же выбор критериев оценки.

Обобщающие суждения вида «Обычно лицо X поступает таким-то образом» и аналогичные им могут быть признаны релевантными лишь в том случае, если свидетель сообщает информацию о тех конкретных фактах, которые лежат в основе предпринятого им обобщения.

В качестве релевантных могут рассматриваться относящиеся к той или иной специальной области оценочные и логические суждения, выводы, умозаключения допрашиваемых лиц, чьи специальные знания соответствуют их процессуальному статусу специалистов и (или) экспертов. При этом речь идет не о любых оценках и умозаключениях, а лишь о тех суждениях, которые относятся к соответствующей специальной области. При этом обязательным является указание фактов, которые привели допрашиваемое лицо к соответствующим выводам.

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Конситуация текста, высказывания — обстоятельства и факты реальной действительности, существующие на момент создания текста, влияющие на коммуникативные установки говорящего (автора текста). Анализ конситуации позволяет установить подлинный смысл высказываний, составляющих текст, а для ситуации диалогической речи — установить также, как именно было понято то или иное высказывание собеседником.

Содержание, или смысл высказывания — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Восприятие речи — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. В общем случае результат восприятия речи носит субъективный, индивидуальный характер и не может рассматриваться, в отличие от смысла высказываний, как объективное

свойство продукта речевой деятельности, подлежащее установлению методами лингвистической экспертизы.

Тема — известное, исходное, данное, то, о чем говорится в высказывании или фрагменте текста. В общем случае высказывание или фрагмент текста может содержать информацию, относящуюся к нескольким потенциальным темам. В зависимости от контекста актуализируются те или иные потенциальные темы. Выделение потенциальных тем возможно с разной степенью конкретизации. Разделение потенциальной темы на отдельные подтемы и объединение нескольких тем в гипертему носит условный характер, не оказывает решающего влияния на результаты лингвистического исследования; основным критерием, определяющим необходимую степень конкретизации той или иной темы, является операциональность. Под темой высказывания или фрагмента текста в настоящем заключении понимается актуализированная потенциальная тема. Термин *тема* не используется в настоящем заключении в узкоспециальном значении компонента высказывания, выделяемого в рамках актуального членения предложения.

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* — «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта

оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (`прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать`) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных` истребили, ликвидировали` – Воины уничтожили город` ликвидировали, разрушили, сожгли`*.

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конституацией (известными эксперту обстоятельствами дела).

В некоторых случаях сформулированные условия могут оказаться нарушенными. Это означает, что какое-то слово или выражение употребляются в тексте в несловарных значениях. Речь может идти:

- о разовом, так называемом **оказиональном** словоупотреблении. Значение okazjiонального словоупотребления, как правило, ясно из контекста;
- об использовании слова в **новом значении**, которое еще не зафиксировано словарями. Для адекватного определения такого значения необходимо исследовать **употребление** слова в современном русском языке. Совокупность контекстов употребления позволяет установить подлинное значение слова.

Необходимость исследования употребления слов в современном русском языке возникает лишь при невозможности буквального истолкования того или иного выражения на основе словарных значений.

При исследовании языковых значений и употребления единиц языка в речи его носителей могут быть использованы специализированные источники лингвистических данных, в частности, национальные корпуса. **Национальный корпус** того или иного языка представляет данный язык на определенном этапе его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. Национальный корпус русского языка, разрабатываемый при участии Института русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ РАН), Института языкознания РАН (ИЯз РАН), ВИНТИ РАН и ряда других ведущих научных учреждений, функционирует в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования

Интернет (<http://ruscorpora.ru/>) с 2003 г. и по состоянию на сентябрь 2021 г. включает разнообразные русские тексты, общий объем которых в настоящее время составляет свыше 900 миллионов словоупотреблений. Национальный корпус русского языка, как и национальные корпуса других языков, имеет две важные особенности. Во-первых, он **представителен** и **сбалансирован**, т. е. содержит все типы письменных и устных текстов, представленных в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и все эти тексты входят в корпус пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Во-вторых, корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую **разметку**, или аннотацию). В Национальном корпусе русского языка в настоящее время широко используются три типа разметки: метатекстовая (она характеризует текст в целом, с точки зрения его автора, жанровых и других особенностей), морфологическая, акцентная и семантическая (данные типы разметки характеризуют не целый текст, но отдельные слова).

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты из такого металла» является собирательным, в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат.* (**к кому**), а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

Сектор Газа — название области в Палестине, расположенной в ее юго-восточной части. Носит название по старинному городу, известному с XV в до н.э.

Мухаджир — изначально данный термин обозначал мусульман, переселившихся с пророком Мухаммедом из Мекки в Медину; в дальнейшем стал обозначать мусульман, которые переселяются в другие страны, чтобы избежать преследований за веру. В частности, мухаджирство было распространено после падения имамата Шафи и переселения части его населения в Османскую империю.

Тарикат — суфийское братство, которое практикует «тарика» — особый путь познания Аллаха и достижения хакиката — предела духовного самосовершенствования.

2. Предварительное исследование

В ходе предварительного исследования специалистами совместно проведен анализ представленных материалов уголовного дела, направленный на уточнение объектов исследования и выявление информации об обстоятельствах, формирующих констатирующую (коммуникативную ситуацию) актов коммуникации, описанных в формулировке поставленных на разрешение специалистов вопросов № 1 и № 2.

2.1. Акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, описываются как направление письменных словесных сообщений отправителем (А. М. Хаяури) двух банковских переводов их получателю (Анне Сергеевне П.), по одному сообщению на каждый из двух переводов.

В протоколе осмотра предметов и документов от 23.04.2020, составленном старшим о/у отдела ЗКСБТ УФСБ России по Калининградской области О. И. Шлыкиным (т. 1, л. д. 101–105), описывающем (со ссылкой на сопроводительное письмо ПАО «Сбербанк России») содержимое компакт-диска с записью отчета о движении денежных средств по картам и счетам А. М. Хаяури за период времени с 01.01.2009 по 20.01.2020, отражена информация о факте совершения указанных банковских переводов, сведения о каких-либо связанных с осуществлением банковских переводов сообщениях отсутствуют.

Протокол допроса подозреваемого А. М. Хаяури от 24.06.2020 (т. 1, л. д. 251–255), протокол допроса обвиняемого А. М. Хаяури от 24.06.2020 (т. 1, л. д. 264–267), а равно протокол дополнительного допроса обвиняемого А. М. Хаяури от 24.12.2020 (т. 1, л. д. 268–273) не содержат сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемых лиц, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол дополнительного допроса обвиняемого А. М. Хаяури от 14.01.2021 (т. 1, л. д. 276–279) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в данном протоколе следственного действия зафиксированы вопросы следователя о фонде «Мухаджирун» и о понятийном содержании «термина «газават», однако информация о факте направления каких-либо сообщений, сопровождающих банковские переводы, отсутствует — словоформы «Мухаджирун» и «газават» как в речи допрашивающего лица, так и в речи допрашиваемого употребляются в контекстах, не связанных явным, скрытым или пресуппозитивным образом с какими-либо фактическими обстоятельствами. Информация о фонде «Мухаджирун» сводится к упоминанию данного фирменного наименования.

Протокол допроса обвиняемого А. М. Хаяури от 05.05.2021 (т. 1, л. д. 297–299) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля под псевдонимом «Юсупов» от 24.06.2020¹ (т. 2, л. д. 1–3) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля под псевдонимом «Юсупов» от 20.07.2020 (т. 2, л. д. 4–5) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля Анны Сергеевны П. от 27.08.2020 (т. 2, л. д. 11–15) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям. Показания Анны Сергеевны П. содержат сведения о благотворительном фонде «Мухаджирун» как НКО, созданной («открытой») в период времени между июлем и сентябрем 2015 года под юрисдикцией Королевства Швеция.

¹ Часть показаний, зафиксированных на с. 3 указанного протокола, представлена как показания иного свидетеля, носящего псевдоним «Кизя», иных сведений о присутствии коего на допросе не имеется. Интерпретация данного обстоятельства выходит за пределы компетенции комиссии специалистов.

Протокол допроса свидетеля М. Б. Хаяури от 16.12.2020 (т. 2, л. д. 22–28) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля Э. Х. Хаяури от 16.12.2020 (т. 2, л. д. 29–35) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля У. от 14.01.2021 (т. 2, л. д. 41–48) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля Анны Сергеевны П. от 20.01.2021 (т. 2, л. д. 56–58) содержит: **(1) предположение** (маркер предположительности сообщаемых сведений — вводный оборот *вероятнее всего*) **свидетельницы** о коммуникативном намерении, присущем сообщению «**Мухаджирун**», сопровождавшему один из указанных переводов, — Анна Сергеевна П. предполагает, что данное сообщение **содержит информацию, которая, по замыслу, отправителя, должна прояснить для нее как получателя перевода предназначение денежных средств;** **(2)** сведения о том, что Анне Сергеевне П. **неизвестен смысл**, который вкладывался в сообщение «**Газа**» его отправителем. Информация, индивидуализирующая фонд «Мухаджирун», сводится к употреблению данного фирменного наименования.

Протокол допроса свидетеля А. П. Кадимагомедова от 02.02.2021 (т. 2, л. д. 59–62) содержит **суждения допрашиваемого лица о значении нескольких лексических единиц, которые свидетель называет «терминами»**. Информации о том, **в каком именно языке** (в частности, в современном русском или в арабском) проявляются те семантические свойства рассматриваемых свидетелем лексических единиц, о которых говорит свидетель, а равно сведений о том, **к какой именно области специальных знаний относятся** выражаемые этими «терминами» понятия, свидетель **не сообщает**. Информация, индивидуализирующая фонд «Мухаджирун», сводится к употреблению данного фирменного наименования. Поставленный перед специалистами вопрос № 6 относится к содержанию зафиксированных данным протоколом допроса показаний, **подлежащих тем самым дальнейшему исследованию**.

Протокол допроса свидетеля Ш. от 06.04.2021 (т. 2, л. д. 63–66) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям.

Протокол допроса свидетеля Анны Сергеевны П. от 21.04.2021 (т. 2, л. д. 70–73) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашиваемого лица, относящихся к указанным сообщениям. Показания Анны Сергеевны П. содержат сведения о благотворительном фонде «Мухаджирун» как благотворительной организации, созданной («организованной») в период времени на ранее июня — июля 2015 года под юрисдикцией Королевства Швеция.

Протокол допроса свидетеля Р. Х. Хадиева от 05.05.2021 (т. 2, л. д. 74–77) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы;

в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашивающего лица, относящихся к указанным сообщениям.

Согласно протоколам осмотра предметов (документов) от 18.02.2021 (т. 2, л. д. 141–142; т. 2, л. д. 164–165), содержащим сведения о проведенных следователем осмотрах в общей сложности четырех оптических дисков, поступивших в качестве приложений к заключениям эксперта № 1526/5-1-20 от 26.01.2021 и № 1527/5-1-20 от 18.01.2021 из ФБУ Калининградская ЛСЭ Минюста России (согласно указанным заключениям эксперта [т. 2, л. д. 127–140; т. 2, л. д. 156–163], на упомянутых четырех оптических дисках находятся сформированные с помощью специализированного ПО отчеты об информации, содержащейся на накопителях данных и в памяти устройств, изъятых, согласно изложению обстоятельств уголовного дела в соответствующих постановлениях о назначении экспертиз [т. 2, л. д. 120–121; т. 2, л. д. 150–151], в ходе обыска в жилище А. М. Хаяури), содержащиеся в указанных отчетах сведения сочтены следователем А. А. Ткаченко не имеющими значения для уголовного дела. С учетом изложенного, на накопителях данных и в памяти устройств, изъятых при обыске в жилище А. М. Хаяури, следствием не было выявлено какой-либо информации, которая может рассматриваться как сведения об обстоятельствах, формирующих конситуацию актов коммуникации для сообщений, сопровождавших указанные банковские переводы.

Согласно протоколу осмотра предметов (документов) от 18.02.2021 (т. 2, л. д. 271–272), содержащему сведения о проведенном следователем осмотре оптического диска, поступившего из УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в качестве приложения к письму № 3/4651 от 24.12.2020, содержащего предоставленные ООО «ВКонтакте» сведения, в том числе о переписке А. М. Хаяури с иными лицами, имеющаяся на указанном диске информация сочтена следователем А. А. Ткаченко не имеющей значения для уголовного дела. С учетом изложенного, в переписке А. М. Хаяури в социальной сети «ВКонтакте» следствием не было выявлено какой-либо информации, которая может рассматриваться как сведения об обстоятельствах, формирующих конситуацию актов коммуникации для сообщений, сопровождавших указанные банковские переводы.

Протокол осмотра предметов (документов) от 10.08.2020 (т. 2, л. д. 275–281) содержит информацию о факте указанных банковских переводов, предоставленную в распоряжение следствия ПАО «Сбербанк России», однако не содержит каких-либо сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы. Оценка **несовпадения времени** совершения второго перевода, указанного в табличном представлении данных (20:26:34), с временем, указываемым следователем в описании этих табличных данных (20:26:27), не относится к компетенции комиссии специалистов.

Протокол осмотра предметов (документов) от 03.12.2020 (т. 3, л. д. 50–54) содержит информацию о факте указанных банковских переводов, предоставленную в распоряжение следствия ПАО «Сбербанк России», однако не содержит каких-либо сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы.

Ответ ПАО «Сбербанк России» № SD0147912014 от 16.12.2020 (т. 3, л. д. 65) на запрос следователя А. А. Ткаченко № 95/15/3/12543 от 08.12.2020 (т. 3, л. д. 64), а также протокол осмотра предметов (документов) от 11.01.2021 (т. 3, л. д. 66–72) содержат информацию о факте указанных банковских переводов и о **дословном содержании** сопровождающих их письменных сообщений получателю, а именно: «**Мухаджирун**», «**Газа**». Сведений об обстоятельствах, входящих в конситуацию данных сообщений, в указанных документах не имеется.

Протокол осмотра предметов (документов) от 27.01.2021 (т. 3, л. д. 137–140), в ходе которого осмотрены предоставленные ПАО «Сбербанк России» данные, не содержит информации, относящейся к указанным банковским переводам.

Обвинительный приговор, вынесенный 2-м Западным окружным военным судом 26.11.2020 в отношении Анны Сергеевны П. (т. 3, л. д. 144–151), не содержит фактической информации, относящейся к указанным банковским переводам. Информация, индивидуализирующая фонд «Мухаджирун», сводится к употреблению данного фирменного наименования.

Протокол допроса свидетеля И. от 13.06.2019 по уголовному делу № 11902820021000043 (т. 3, л. д. 170–177) содержит сведения о благотворительном фонде «Мухаджирун», зарегистрированном под юрисдикцией Турецкой Республики. Иной информации, потенциально относящейся к указанным банковским переводам, в показаниях данного свидетеля не выявлено.

Протокол допроса свидетеля Б. от 10.07.2019 по уголовному делу № 11902820021000043 (т. 3, л. д. 178–188) не содержит информации, относящейся к указанным банковским переводам. Информация, индивидуализирующая фонд «Мухаджирун», сводится к употреблению данного фирменного наименования.

Протокол допроса свидетеля Анны Сергеевны П. от 25.09.2019 по уголовному делу № 11902820021000043 (т. 3, л. д. 189–204) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашивающего лица, относящихся к указанным сообщениям. Показания Анны Сергеевны П. содержат сведения о двух разных юридических лицах с индивидуализирующим компонентом фирменного наименования «Мухаджирун»: «Мухаджирун – Швеция» и «Мухаджирун – Турция».

Протокол допроса свидетеля Сергея С. П. от 26.06.2019 (т. 3, л. д. 253–256) не содержит сведений о сообщениях, сопровождавших указанные банковские переводы; в частности, отсутствует информация о каких-либо вопросах допрашивающего лица, относящихся к указанным сообщениям. Показания Сергея С. П. содержат сведения о благотворительном фонде «Мухаджирун» как организации, созданной («открытой») в июле 2015 года под юрисдикцией Королевства Швеция.

Поставленные перед специалистами вопросы № 6 и № 7 относятся к речевому содержанию предоставленных для производства настоящего исследования фонограмм в формате .m4a с аудиозаписями допросов свидетеля А. П. Кадимагомедова и специалиста Р. Ф. Патева в судебном заседании. Соответственно, речевое содержание указанных фонограмм, их составленные стороной защиты стенограммы и протокол судебного заседания (т. 5, л. д. 66–172) в части, отражающей допрос указанных свидетеля (т. 5, л. д. 74–80) и специалиста (т. 5, л. д. 105–110), **подлежат** тем самым **дальнейшему исследованию**.

Предоставленные для производства исследования дубликаты от 04.09.2021 ответов ПАО «Сбербанк России» от 12.03.2021 по обращениям № 210118-0094-964400 и № 210118-0096-497600 от 18.01.2021 (оригиналы указанных ответов представлены также в материалах данного уголовного дела в т. 6 на л. д. 25–27 и 21–23 соответственно) содержат информацию о факте указанных банковских переводов и **о дословном содержании** сопровождающих их письменных сообщений получателю, **не тождественную содержащейся в ответе ПАО «Сбербанк России» № SD0147912014 от 16.12.2020** (т. 3, л. д. 65). В трех указанных ответах второе из указанных сообщений представлено тремя различными способами: «Газа», «ГАЗА», «газа».

Предоставленный для производства исследования дубликат протокола осмотра письменных доказательств, составленного 09.02.2021 на бланке 78 А В 0804976 Г. Л. Петровым, временно исполняющим обязанности нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга О. В. Горопиной, зарегистрированный в реестре за № 78/71-н/78-2021-3-514 (оригинал указанного протокола представлен также в материалах данного уголовного дела в т. 6 на л. д. 96–109), содержит фиксацию размещенных в социальной сети VK («ВКонтакте») записей, датированных февралем 2016 г., с информацией в форме **публичного отчета о проведенных организацией, обозначенной как «Исламский фонд «Мухаджирун», благотворительных акциях**, а также сведениями рекламного характера о **благотворительных проектах указанной организации, включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление**, в том числе **на территории Газы (сектора Газы)**. Содержание информационных ресурсов, зафиксированных данным протоколом, является потенциально релевантным с точки зрения выявления информации об обстоятельствах, формирующих конституацию рассматриваемых актов коммуникации, **подлежит дальнейшему исследованию**.

2.2. С учетом изложенного в подразделе 2.1 настоящего заключения, письменные словесные сообщения отправителя (А. М. Хаяури) двух банковских переводов их получателю (Анне Сергеевне П.), в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, представляют собой сообщения, сопровождающие денежные переводы, содержащие информацию о предназначении переводимых денежных средств.

Имеющиеся в материалах данного уголовного дела **документы, предоставленные ПАО «Сбербанк России», содержат три разных версии информации о дословном содержании** одного из указанных сообщений: «Газа», «ГАЗА», «газа».

Сообщение «Мухаджирун» содержит информацию о предназначении переводимых денежных средств организации, индивидуализируемой словесным обозначением «Мухаджирун». В материалах данного уголовного дела имеются сведения о существовании двух **разных юридических лиц с тождественным индивидуализирующим компонентом фирменного наименования «Мухаджирун»: «Мухаджирун – Швеция» и «Мухаджирун – Турция**». Таким образом, информация о предназначении денежных средств, выраженная в **объективной форме сообщением «Мухаджирун», является в обстоятельствах данного уголовного дела неоднозначной**: в сообщении отсутствуют сведения о том, какой именно из организаций с индивидуализирующим компонентом фирменного наименования «Мухаджирун» предназначаются, по замыслу отправителя, денежные средства.

Официальный род деятельности обеих организаций последовательно обозначается в материалах данного уголовного дела словосочетанием **благотворительный фонд**. По версии обвинения, поддержанной судом первой инстанции при вынесении приговора, указанный официальный род деятельности является маскировкой подлинной деятельности, состоящей в финансировании терроризма.

В период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, **публично доступными являлись** размещенные в глобальной информационно-

телекоммуникационной сети общего пользования Интернет сведения рекламного характера о благотворительных проектах указанной организации, включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление, в том числе на территории Газы (сектора Газа).

2.3. С учетом изложенного, принимая во внимание известные комиссии специалистов обстоятельства дела и исходя из существа поставленных перед специалистами вопросов, **исследованию подлежат:**

- письменный продукт речевой деятельности — **словесное сообщение «Мухаджирун»**, направленное, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 22.02.2016 в 17:26:27, в коммуникативной ситуации, описанной в подразделе 2.2 настоящего заключения;
- письменный продукт речевой деятельности — **словесное сообщение**, представленное в документах, предоставленных ПАО «Сбербанк России», в трех разных версиях: **«Газа», «ГАЗА», «газа»**, — направленное, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, в коммуникативной ситуации, описанной в подразделе 2.2 настоящего заключения;
- лексема *газават*;
- историческое и религиоведческое **содержание понятия «газават»**;
- лексема *Газа*;
- **специальные суждения** допрашиваемого лица, относящиеся к области лингвистики, выраженные в показаниях **свидетеля А. П. Кадимагомедова**, данных им в ходе допроса на стадии предварительного следствия и допроса в судебном заседании по данному уголовному делу;
- **специальные суждения** допрашиваемого лица, относящиеся к области религиоведения, выраженные в показаниях **свидетеля А. П. Кадимагомедова**, данных им в ходе допроса на стадии предварительного следствия и допроса в судебном заседании по данному уголовному делу;
- **специальные суждения** допрашиваемого лица, относящиеся к области лингвистики, выраженные в показаниях специалиста **Р. Ф. Патеева**, данных им в ходе допроса в судебном заседании по данному уголовному делу;
- **специальные суждения** допрашиваемого лица, относящиеся к области религиоведения, выраженные в показаниях специалиста **Р. Ф. Патеева**, данных им в ходе допроса в судебном заседании по данному уголовному делу.

3. Исследование по поставленным вопросам

3.1. В обстоятельствах данного уголовного дела, описанных в разделе 2 настоящего заключения, словоупотребление *газа*, составляющее одно из спорных сообщений, сопровождавших банковские переводы, **не может** рассматриваться как форма родительного падежа **общеупотребительного существительного современного русского языка *газ***, обозначающего одно из физических агрегатных состояний вещества, газообразное топливо и т. п. В силу тех же причин **исключается** трактовка данного словоупотребления как формы омонимичного существительного, обозначающего шелковую прозрачную ткань.

3.2. Не вступающее в противоречие с описанной в разделе 2 настоящего заключения коммуникативной ситуацией предположение об отнесенности спорного словоупотребления *газа* к русскоязычному исламскому дискурсу, субъектами которого являются проживающие на территории РФ мусульмане, вызывает необходимость рассмотреть гипотезу о заимствованном характере слова *газа*, составляющего дословное содержание сопровождающего банковский перевод сообщения. Для русскоязычного (впрочем, аналогичное положение дел наблюдается и в среде функционирования иных естественных языков) мусульманского дискурса характерной является практика широкого использования в речи заимствований из арабского языка как языка, на котором исполнены оригиналы сакральных для мусульман текстов и с которым связано множество основополагающих для мусульманской картины мира понятий и представлений.

Следствием того обстоятельства, что ислам представляет собой мировую религию, является интернациональный характер исламского дискурса. Основная масса арабских заимствований, активно используемых в речи мусульман по всему миру, представляет собой в силу этого совокупность интернационализмов.

Материалы данного уголовного дела содержат многократно повторяемое в различных формах суждение о синонимичности слова *газа* в составе спорного сообщения слову *газават*.

Поиск слова *газа* в значении, синонимичном термину *газават*, в арабских словарях и справочниках по исламу [46–48; 52; 53; 55] ожидаемо не дает положительного результата.

Если предположить, что словоформа *газа* **все же имеет некое отношение к слову *газават***, она может быть только русской транскрипцией или транслитерацией однокоренного с термином *газават* арабского глагола, стоящего в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени. В этой форме глагол означает **‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’**. Любое другое арабское слово, семантически связанное с термином *газават*, будет иметь русскую транскрипцию, а равно транслитерацию, отличную от последовательности русских графем «газа».

Комиссии специалистов неизвестны общепризнанные источники исторических и (или) религиозных данных, в которых наблюдается использование обозначения *газа* как синонима термина *газават*, или упоминаются свидетельства такого употребления.

Указанная русская транслитерация («газа») личной формы арабского глагола, означающей **‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’**, никогда и никем не использовалась в российском дискурсе — ни в письменном, ни в устном, ни среди мусульман, ни россиянами в целом. В частности, подобных случаев употребления, как и следовало ожидать, не зафиксировано в материалах Национального корпуса русского

языка [45]. Как известно, из чужих языков никогда не заимствуются глаголы в личных формах.

Сообщению, смысл которого описывается как '(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)', причем в этом сообщении отсутствует информация о том, кто именно, на кого именно, когда именно и зачем напал и т. п., а известным является только то, что нападение было совершено неким субъектом мужского рода и состоялось в прошлом относительно момента отправки сообщения, не представляется возможным приписать какое-либо коммуникативное намерение, которое не вступало бы в противоречие с описанной в разделе 2 настоящего заключения констатацией. Акт коммуникации, объединяющий перечисление денежных средств с сообщением отправителя получателю о том, что кто-то на кого-то напал, мог бы быть осмысленным в какой-то иной ситуации (например, отправитель ранее заказал получателю организацию нападения на известное им обоим лицо, а теперь подтверждает «приемку оказанных услуг» и производит расчет за них), но не в обстоятельствах данного уголовного дела.

Можно констатировать, что **рассматриваемое спорное сообщение А. М. Хаяури не может осмысленно интерпретироваться как сообщение, связанное с понятием газавата.**

3.3. Статус номинации *газават* как общепринятого исторического и (или) религиоведческого термина и его наполнение являются спорными в науке.

Так, профессор Роберт Шеффер в сравнительно недавно вышедшей в свет книге «Повстанческое движение на Северном Кавказе: от газавата до джихада» считает обозначение *газават* не более чем «народным термином», довольно распространенным именно на Северном Кавказе и фактически означающим «джихад». Автор напрямую называет газават «джихадом своего времени». «Все хорошие мусульмане», по мнению автора, следующие суфийскому тарикату Накшбандия, популярному на Северном Кавказе времени имама Шамиля, «должны вести джихад (газават), чтобы изгнать захватчиков с их незаконным неисламским правительством». Автор полагает, что «...согласно идеологии газавата, сам Аллах требовал изгнать русских, чтобы чеченцы, ингуши и дагестанцы могли жить по законам шариата» [63].

Принципиально иной является традиционная (причем эта традиция существует на протяжении не менее 500 лет) точка зрения на значение и смысл термина *газават*. В соответствии с ней, собственно *газават*, в отличие от *военного джихада* («малого», который следует отличать также от «большого джихада», то есть борьбы мусульманина со своими пороками), обозначает преимущественно войну в ситуации защиты своей территории от военной агрессии со стороны «неверных». Так, автор начала XVI века Рузбихан Исфাহани утверждает, что «...газават — это священная обязанность... всегда, когда неверные вторгаются в какую-нибудь мусульманскую область, то всем вменяется [вести] с ними священную войну, и это в божественном законе называется всеобщим призывом к обороне» [61]. При такой трактовке газават — это оборонительная война, направленная на защиту земель мусульман от неверных. При этом важно, что газават как война может объявляться светскими властями (в отличие от военного джихада, который могут объявлять только духовные лица) и в целом рассматривается скорее не как религиозная, а как военная деятельность. Газават по сравнению с джихадом менее значим в религиозном смысле, поскольку это — война, целью ведения которой является не распространение ислама, а защита собственных родных и близких, что расценивается как менее важное действие с религиозной точки зрения. К мысли о

доисламском происхождении самого термина и связанной с ним практики приходят и другие авторы: так, А. А. Баширов связывает появление термина с практикой взаимных военных набегов арабских племен доисламского времени [58]. Эта версия подтверждается и данными академического энциклопедического словаря «Ислам»: «газават – это набег, но не просто набег, а набег первых мусульман из Ясриба (Медины) против идолопоклонников-многобожников, которые были организованы Магомедом, а порой и возглавляемые им» [60, с. 51]. Следовательно, в раннеисламский период этот термин обозначал войны, в которых принимал участие сам пророк [62, р. 569; 65, р. 71–72; 66, р. 14–15]. Важно отметить, что термин *газават* не встречается в Коране [59, с. 149].

В дальнейшем, после принятия ислама в качестве государственной религии ряда стран, термины *военный джихад* и *газават* действительно стали сближаться, и термином *газават* в этих государствах стали систематически обозначать военные операции по защите исламских земель от захватчиков — в результате возникло противопоставление газавата и джихада по оборонительному/наступательному признаку: военный джихад понимается прежде всего как способ распространения ислама, в т. ч. и военным путем.

В истории Российской империи термин *газават* фигурирует в эпоху имамата Шамиля именно как попытка обосновать войну против империи раннеисламской традицией *газавата* [59, с. 149].

3.4. В современном русском языке существует **топоним Газа**, обозначающий город, находящийся на восточном побережье Средиземного моря; с этим городом связана также номинация **сектор Газа**, являющаяся названием определенной территории, входящей в состав частично признанного арабского государства Палестина. Общеизвестно тяжелое экономическое положение населения сектора.

Газа – это название древнего города, известного под этим именем со II тысячелетия до н. э., город упоминается в Библии. Происхождение названия, вероятно, западносемитское. Газа дала свое название сектору Газа как его главный город.

В настоящее время, по данным ООН, в связи с проблемой Палестины сектор Газа испытывает серьезный гуманитарный кризис вследствие непрекращающейся блокады со стороны Израиля [68]. В частности, большой проблемой сектора была и остается проблема чистой питьевой воды. По данным ООН, более 90 процентов источников в регионе сектора Газа являются низкокачественными и непригодными для питья. По данным Израильского центра по правам человека на оккупированных территориях, потребление воды на этой территории оказывается в серьезной степени ниже минимума, установленного ООН, — 88 литров на человека вместо 100, кроме того, эта вода значительно хуже качеством, отмечены случаи, когда даже вода, продаваемая в магазинах в качестве питьевой, не соответствует минимальным стандартам качества [67]. В связи с этим целый ряд благотворительных организаций, в т. ч. исламских, активно собирает пожертвования на исправление ситуации с питьевой водой на этой территории.

3.5. Как уже было сказано в разделе 2 настоящего заключения, протокол осмотра письменных доказательств, составленный 09.02.2021 на бланке 78 А В 0804976 Г. А. Петровым, временно исполняющим обязанности нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга О. В. Горошиной (т. 6, л. д. 96–109), содержит фиксацию размещенных в социальной сети VK («ВКонтакте») записей, датированных февралем 2016 г., с информацией в форме публичного отчета о проведенных организацией, обозначенной как «Исламский фонд «Мухаджирун», благотворительных акциях, а также

сведениями рекламного характера о благотворительных проектах указанной организации, включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление, в том числе на территории Газы (сектора Газа).

В частности, в указанном протоколе зафиксированы фотоизображения одного и того же мероприятия, на котором присутствует плакат с текстом на английском и арабском языках и двумя эмблемами, наиболее отчетливо представленный на с. 4. Перевод текста на плакате:

Благотворительный фонд «Мухаджирун»
Колодец Рамадана / Рамадан 15
Номер проекта: 8989 / 1437 г.х. / 2016 г. н.э.
Нигер / деревня Чакава / Тауа Z 2
Исламский благотворительный фонд «Мухаджирун»
Исполнитель: Организация по гуманитарному развитию

Эмблема в верхнем левом углу является эмблемой Исламского благотворительного фонда «Мухаджирун» (название присутствует на эмблеме). Эта же эмблема присутствует на странице с рекламным текстом фонда «Мухаджирун», посвященным проекту «ПРОЕКТ – АФРИКА», связанному с сооружением колодцев (с. 6 указанного протокола). Эмблема в верхнем правом углу является эмблемой Организации по гуманитарному развитию (название присутствует на эмблеме), зарегистрированной, вероятно, в Нигере (форма эмблемы представляет собой контур территории Нигера). Изображение этой эмблемы доступно в Интернете.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что одним из мероприятий фонда «Мухаджирун», отчет о которых представлен на зафиксированном указанным нотариальным протоколом осмотра письменных доказательств информационном ресурсе, является церемония открытия нового колодца в селении Чакава (Нигер), пробуренного при содействии Организации по гуманитарному развитию (Нигер) и Исламского благотворительного фонда «Мухаджирун».

На с. 10 указанного протокола зафиксировано сообщение, содержащее развернутое текстовое объявление о сборе пожертвований для проекта организации, обозначенной в тексте как «Исламский Благотворительный Фонд «Мухаджирун», осуществляемом на территории Палестины. Название проекта представлено в виде «Гацца — Крик о помощи!». Номинация *Гацца* здесь представляет собой транслитерацию, являющуюся графическим вариантом рассматриваемого топонима, нормативно имеющего русское написание *Газа*. Соответствующая данной транслитерации транскрипция, имеющая вид *Г'азза*, присутствует в названии этого проекта в рекламных блоках, представленных на с. 11 и 12 указанного протокола. В рекламных блоках этого же проекта на с. 14 и 15 используется транслитерация *Гацца*, при этом адресат побуждается указывать при перечислении денег для осуществления данного проекта к следующему: «Укажите в сообщении "gaza"». Следует заметить, что транслитерация русскими буквами данного варианта написания совпадает по составу графем с нормативным вариантом написания топонима *Газа*.

Номер банковской карты в рекламном блоке на с. 11, 12 и 15 указанного протокола (т. 6, л. д. 105, 106, 109) имеет вид 4276 4100 1155 2148, полностью совпадает с номером карты, на который А. М. Хаяури 26.02.2016 произвел перевод денежных средств в сумме 10 000 руб. с сопровождающим сообщением «Газа» (т. 3, л. д. 70).

Номер банковской карты в рекламном блоке на с. 6 указанного протокола (т. 6, л. д. 100) имеет вид 4276 4100 1116 4241, полностью совпадает с номером карты, на который А. М. Хаяури 22.02.2016 произвел перевод денежных средств в сумме 10 000 руб. с сопровождающим сообщением «Мухаджирун» (т. 3, л. д. 69).

С учетом изложенного, **к конситуации спорных актов коммуникации** наряду с обстоятельствами, отраженными в разделе 2 настоящего заключения, следует отнести **факт размещения в публично доступном информационном пространстве рекламы благотворительных проектов**, осуществляемых организацией, обозначенной как «Исламский благотворительный фонд «Мухаджирун» и позиционирующей себя как благотворительный фонд, ведущий, в частности, деятельность, связанную с сооружением колодцев, и реализующий иные благотворительные проекты на страдающей от недостатка водных ресурсов территории сектора Газа, **с побуждением** при перечислении денежных средств на реализацию одного из этих проектов **сопровождать перевод денег сообщением, содержащим слово, совпадающее по составу графем с транслитерацией буквами латиницы топонима Газа**, причем в качестве счетов для приема пожертвований на реализацию указанных проектов в рекламе обозначаются именно те номера карт Анны Сергеевны П., по которым А. М. Хаяури произвел переводы 22.02.2016 и 26.02.2016.

Таким образом, единственная возможная смысловая интерпретация словесного сообщения «Газа», направленного, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, не только не вступающая в противоречие с установленными в ходе исследования обстоятельствами, но и поддерживаемая ими, состоит в следующем: данное сообщение обозначает, что денежные средства, перевод которых оно сопровождает, предназначены для реализации благотворительным фондом — получателем перевода гуманитарного проекта на территории сектора Газа; сведения рекламного характера о существовании такого проекта, реализуемого фондом «Мухаджирун», с побуждением к осуществлению пожертвований на его реализацию являлись публично доступными в период времени, к которому относятся данный банковский перевод и данное сообщение.

3.6. Арабское слово *мухаджирун* представляет собой форму множественного числа от слова *мухаджир*, которое в широком смысле может обозначать любого переселенца, эмигранта, беженца [46, с. 846; 47, с. 839]. В узком же историко-религиозном значении слово *мухаджирун* используется для обозначения первых мусульман, переселившихся вместе с пророком Мухаммадом из Мекки в Медину в 622 г. н. э. Никакой религиозно-экстремистской коннотации слово *мухаджир* не имеет [48, с. 177; 52, с. 121] и не может иметь: данная номинация характеризует обозначаемое лицо по положению, в котором оно оказалось, но никак не по признаку причастности к какой-либо целенаправленной (в частности, экстремистской или террористической) деятельности.

В лексической системе современного русского языка слово *мухаджирун* является заимствованным, существует на правах интернационализма, востребованность (и необходимость заимствования) которого объясняется существованием указанного выше религиозного значения, отсылающего к событиям, непосредственно связанным с делами пророка Мухаммада, являющегося сакральной для мусульман персоной, и интернациональным характером исламского дискурса, о котором уже говорилось в

подразделе 3.2 настоящего заключения. За пределами исламского и исторического дискурса не употребляется.

Основой метафоры, лежащей в основе названия «Мухаджирун» как фирменного наименования благотворительной организации, с очевидностью являются компоненты описанного лексического значения, связанные с понятием беженцев как группы людей, нуждающихся в помощи для поддержания жизни, качества жизни, обустройства быта и т. п.

Эмблема фонда сделана по форме и подобию турецкой печати, с изображением мечети с минаретами. Как показано в подразделе 3.5 настоящего заключения, отчетные и рекламные материалы благотворительного фонда «Мухаджирун», зафиксированные представленным нотариальным протоколом осмотра доказательств, включают в себя призывы к пожертвованию на строительство колодцев в Африке. Весомость этого адресованного мусульманам побуждения подчеркивается цитированием хадиса (предания о словах и делах пророка Мухаммада) «Кто выкопает колодец, тот будет получать вознаграждение за это до Судного дня, пока оттуда будет пить человек, джинн, зверь или птица. Сахих ибн Хузайма 1292». Программы фонда, информация о которых содержится в представленных материалах, носят исключительно мирный характер: борьба с бедностью и неравенством, помощь детям, бурение колодцев для снабжения чистой питьевой водой.

В целом содержание представленных материалов уголовного дела позволяет утверждать, что фонд «Мухаджирун» публично позиционирует себя как исламский благотворительный проект с гуманитарными задачами помощи детям, борьбы с бедностью, улучшения бытовых условий жизни для мусульман в кризисных странах, что является характерным для исламских благотворительных организаций как таковых.

Ни в одном из доступных примеров нет никакого публичного указания на какое-либо иное использование пожертвованных средств, кроме целей благотворительности.

По версии обвинения, представленной в обвинительном заключении со ссылкой на свидетельские показания, официальный благотворительный характер деятельности является для фонда «Мухаджирун» средством маскировки сбора денежных средств для целей поддержки террористической организации «Исламское государство». При этом в материалах данного уголовного дела отсутствуют какие-либо сведения о публичной доступности информации об этой скрытой цели деятельности фонда; напротив, информация о том, что сбор денег осуществляется фондом «Мухаджирун» в целях реализации конкретных благотворительных проектов, распространялась фондом в период времени, к которому относятся спорные акты коммуникации, публично, была доступной неограниченному кругу лиц.

3.7. В ходе допросов как на стадии предварительного следствия, так и на стадии следствия судебного свидетеля А. П. Кадимагомедов неоднократно утверждает, что слово *газа*, употребленное в одном из спорных сообщений А. М. Хаяури, является синонимом известного термина *газават*. Так, следователю А. П. Кадимагомедов сообщает: «Газа – это поход против врагов, он же является термином “Газават”» (т. 2, л. д. 61). Представленной фонограммой с аудиозаписью допроса А. П. Кадимагомедова в судебном заседании зафиксированы прямой утвердительный ответ («Да») свидетеля на

вопрос прокурора «Термин “газа” идентичный термину “газават”?» и его же ответ «Газа – это коротко означает газават» на вопрос защиты о значении термина «газа».

Определенная и однозначная ошибочность этих суждений свидетеля А. П. Кадимагомедова по вопросам, относящимся к специальной компетенции специалистов в областях лингвистики и религиоведения, показана в подразделе 3.2 настоящего заключения: в действительности слово *газа* отсутствует в русскоязычном исламском дискурсе; если рассматривать словоформу *газа* как арабское слово, она представляет собой глагол в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени, означающий в этой форме ‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’; неизвестны также какие-либо общепризнанные источники исторических и (или) религиозных данных, в которых наблюдалось бы использование обозначения *газа* как синонима термина *газават* или упоминались бы свидетельства такого употребления.. Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, трактовка свидетелем А. П. Кадимагомедовым спорного сообщения «газа»/«Газа»/«ГАЗА» как продукта речевой деятельности, представляющего собой нарицательное арабское слово, противоречит установленным свойствам коммуникативной ситуации. Акт коммуникации, объединяющий перечисление денежных средств с сообщением отправителя получателю о том, что кто-то на кого-то напал, мог бы быть осмысленным в какой-то иной ситуации (например, отправитель ранее заказал получателю организацию нападения на известное им обоим лицо, а теперь подтверждает «приемку оказанных услуг» и производит расчет за них), но не в обстоятельствах данного уголовного дела.

Вышеуказанные специальные суждения А. П. Кадимагомедова, выраженные в утвердительной форме, со всей возможной определенностью являются ложными. То, что слово *газа* не является синонимом термина *газават*, очевидно для любого специалиста, владеющего арабским языком.

Примечательно, что на вопрос защиты о том, где именно в Коране используется слово *газа*, А. П. Кадимагомедов отвечает, что это слово используется в суре аль-Бакара, но не может точно назвать номер аята. В действительности же слово *газа* не используется в Коране вообще. Единственное слово с тем же корнем, что наблюдается в словоформе *газа*, которое можно обнаружить в тексте Корана, да и то лишь один раз (3:156), — это слово *гуззан*, представляющее собой один из двух вариантов множественного числа слова *гази* со значением ‘нападающий’ или ‘совершающий набег’ (Г. С. Саблуков переводит «гуззан» как «вышедшие на войну» [50, с. 127], И. Ю. Крачковский — как «совершающие поход» [49, с. 76], Б. Я. Шидфар — как «совершающие набеги» [51, с. 79]).

Примечателен также следующий пассаж из показаний А. П. Кадимагомедова: «Термин “газа” употребляется в отношении военной экспедиции против язычников, в которых участвовал пророк Мухаммад. Сражение за веру упоминается в аяте (2:216)» (т. 2, л. д. 61). Данные утверждения, рассматриваемые в контексте показаний А. П. Кадимагомедова, основаны на пресуппозиции ‘в аяте (2:216) для обозначения военной экспедиции против язычников, в которой участвовал пророк Мухаммад, употребляется термин *газа*’. Эта пресуппозиция, являющаяся условием осмысленности и связности показаний А. П. Кадимагомедова, тем не менее в действительности является ложной: в упомянутом аяте речь действительно идет о сражении за веру, но ни слова *газа*, ни термина *газават*, ни какого-либо другого слова с тем же корнем в нем нет.

С высокой вероятностью ложным является и утверждение о том, что слово *газават* вообще встречается в хадисах. Так, универсальный поиск в электронной

«Энциклопедии хадисов» [69] с ключом «газават» по всем имеющимся в переводах хадисам не дает никакого результата; по всей видимости, свидетель представляет ложную информацию, когда утверждает, что *газават* как слово зафиксировано в каких-то хадисах.

Особого внимания заслуживают также попытки А. П. Кадимагомедова подменить в своих рассуждениях слово *газа* (на котором собственно во многом и строится обвинение в части доказывания умысла осужденного на финансирование террористической деятельности) термином *джихад*, широко используемым и в Коране, и в хадисах, и в современном религиозно-политическом дискурсе. Как показано в подразделе 3.3 настоящего заключения, несмотря на существующую в настоящее время тенденцию к сближению понятийного содержания терминов *газават* и *джихад*, между ними все же сохраняются существенные смысловые различия. Суждение А. П. Кадимагомедова об их смысловом тождестве является ложным. Более того, поскольку спорное сообщение А. М. Хаяури не имеет никакого отношения к термину *газават*, любые рассуждения А. П. Кадимагомедова о связи этого термина с понятием джихада и обсуждение последнего в контексте рассмотрения данного уголовного дела вообще неуместны, не имеют значения для разрешения дела и не могут рассматриваться как направленные на установление с использованием специальных знаний обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Столь же неуместны рассуждения А. П. Кадимагомедова о значении слова *гази*, которое в действительности является причастием действительного залога от вышеупомянутого глагола *газа* и означает ‘нападающий (совершающий набег, нашествие)’, вопреки ложному утверждению свидетеля А. П. Кадимагомедова о том, что значение слова *гази* определяется как ‘вернувшийся с войны живым’ (т. 5, л. д. 75): ни этого глагола, ни этого причастия в спорном сообщении А. М. Хаяури не наблюдается. Данные специальные суждения свидетеля А. П. Кадимагомедова не имеют значения для разрешения дела и не могут рассматриваться как направленные на установление с использованием специальных знаний обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Описанная в настоящем подразделе заключения совокупность специальных суждений свидетеля А. П. Кадимагомедова:

- **об узусе** (сложившейся практике употребления языковых средств) **современного русского языка** в части исламского дискурса как его подмножества;
- **о системе значений и способах перевода арабских слов;**
- **о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —**

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, **позволяет констатировать, что** в ходе допросов указанного свидетеля на стадиях предварительного и судебного следствия **указанным свидетелем был проявлен такой уровень специальных знаний** в указанных областях, **который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным свидетелю в ходе его допросов вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела.**

3.8. В ходе допроса на стадии судебного следствия специалист Р. Ф. Патеев утверждает, что слово *газа*, употребленное в одном из спорных сообщений А. М. Хаяури, является глагольной формой термина *газават* («Газа – это арабский термин. Глагольная форма слова «газават»). В подразделе 3.2 настоящего заключения показана ошибочность этого суждения: предположение об использовании арабского глагола, стоящего в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени, выражающего значение '(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)', неизбежно ведет к признанию спорного сообщения А. М. Хаяури не являющимся осмысленным в конституции, заданной обстоятельствами данного уголовного дела.

Специалист Р. Ф. Патеев в ходе допроса совершает ряд грубейших ошибок в вопросах, связанных с формообразованием арабских глаголов, с арабской орфографией, орфоэпией и т. п. Так, отвечая на вопрос защиты с побуждением привести пример какого-либо арабского предложения, в котором имелось бы слово *газа*, Р. Ф. Патеев произносит: «Ана газа», — и переводит: «Я нападаю». В действительности же переводу «Я нападаю» соответствует арабское «Ана агзу».

Отвечая на вопрос защиты с побуждением назвать арабские буквы, составляющие слово *газават*, Р. Ф. Патеев отвечает: «айн», «заль» (исправляется – «за»), «вав» и «та-марбута». В действительности же это слово составляют буквы «гайн», «за», «вав», «алиф» и «та».

Отвечая на вопрос защиты о том, как пишется название города (сектора) Газа, Р. Ф. Патеев вновь начинает путаться в буквах.

Произнося арабские слова *гази* и *мухаджир*, Р. Ф. Патеев неправильно ставит ударения: в первом случае на втором слоге (вместо первого), во втором случае на последнем слоге (вместо второго).

Вышесказанное свидетельствует о том, что арабским языком Р. Ф. Патеев владеет очень плохо. Это подтверждают и его собственные высказывания: «Я не сильный знаток современного арабского языка», «Владею арабским со словарем» и т. п.

Так же, как и в случае свидетеля А. П. Кадимагомедова, описанном в подразделе 3.7 настоящего заключения, пространные рассуждения специалиста Р. Ф. Патеева о понятии *газават* и связанных с ним понятиях *джихад* и *гази* в контексте рассмотрения данного судебного дела вообще неуместны, поскольку сообщение А. М. Хаяури ни одного из этих терминов не содержало. Данные специальные суждения специалиста Р. Ф. Патеева не имеют значения для разрешения дела и не могут рассматриваться как направленные на установление с использованием специальных знаний обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Нелепой выглядит и попытка специалиста Р. Ф. Патеева усмотреть какую-то связь между названием фонда «Мухаджирун» и деятельностью современных радикальных исламских организаций. Как показано в подразделе 3.6 настоящего заключения со ссылкой на общепризнанные лингвистические источники научных данных и справочную литературу, арабское слово *мухаджирун* в широком смысле может обозначать любых переселенцев, эмигрантов, беженцев, а в узком историко-религиозном значении используется для обозначения первых мусульман, переселившихся вместе с пророком Мухаммадом из Мекки в Медину в 622 г. н. э. Никакой религиозно-экстремистской коннотации слово *мухаджир* не имеет и не может иметь, характеризуя обозначаемые лица по положению, в котором они оказались, но никак не по признаку причастности к какой-либо целенаправленной (в частности, экстремистской или террористической) деятельности.

Утверждение специалиста Р. Ф. Патеева о том, что «...концепция мухаджирства деятельность современных радикальных организаций, она связана с поддержкой тех людей, которые переселялись, в том числе на территорию Сирии, Ирака и действовали в запрещённой группировке...», не находит реального подтверждения в данных политической науки: под таким названием зафиксирована единственная радикальная организация в Великобритании, где радикальный имам Омар Багри действительно создал организацию «Мухаджирь», состоящую из молодых мусульман. Эта организация была официально распущена в 2004 г., но продолжила существование как радикальная сеть [64]. Никакой «концепции мухаджирства» в этом единичном факте усмотреть нельзя, за ним стоит исключительно попытка одного из радикальных лидеров исламистов использовать этот термин для политической мобилизации молодых мусульман Великобритании.

Примечательно также, что, рассуждая об «околодоктринальной литературе» (какое бы содержание ни вкладывало допрашиваемое лицо в этот, вероятно, авторский термин), в которой, по мнению специалиста Р. Ф. Патеева, употребляется слово *газа*, он так и не смог назвать ни одного произведения этой литературы.

Описанная в настоящем подразделе заключения совокупность специальных суждений специалиста Р. Ф. Патеева:

- **об узусе** (сложившейся практике употребления языковых средств) **современного русского языка** в части исламского дискурса как его подмножества;
- **о системе значений и способах перевода арабских слов;**
- **об арабском глагольном формообразовании;**
- **об орфографии и орфоэпии арабского языка;**
- **о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —**

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, **позволяет констатировать, что в ходе допроса специалиста Р. Ф. Патеева на стадии судебного следствия им был проявлен такой уровень специальных знаний в указанных областях, который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным специалисту в ходе его допроса вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела.**

4. Синтезирующая часть

Проведенное исследование показало следующее.

1. Спорное сообщение «Мухаджирун» содержит информацию о предназначении переводимых денежных средств организации, индивидуализируемой словесным обозначением «Мухаджирун». Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, в материалах данного уголовного дела имеются сведения о существовании двух разных юридических лиц с тождественным индивидуализирующим компонентом фирменного наименования «Мухаджирун»: «Мухаджирун – Швеция» и «Мухаджирун – Турция». Таким образом, информация о предназначении денежных средств, выраженная в

объективной форме сообщением «Мухаджирун», является в обстоятельствах данного уголовного дела неоднозначной: в сообщении отсутствуют сведения о том, какой именно из организаций с индивидуализирующим компонентом фирменного наименования «Мухаджирун» предназначаются, по замыслу отправителя, денежные средства.

Официальный род деятельности обеих организаций последовательно обозначается в материалах данного уголовного дела словосочетанием **благотворительный фонд**.

В период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, **публично доступными** являлись размещенные в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет **сведения рекламного характера о благотворительных проектах** указанной организации, включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление, совпадающие с реквизитами карт **Анны Сергеевны П.**, по которым **А. М. Хаяури** произвел переводы **22.02.2016 и 26.02.2016**.

По версии обвинения, поддержанной судом первой инстанции при вынесении приговора, указанный официальный род деятельности фонда «Мухаджирун» является маскировкой подлинной деятельности, состоящей в финансировании терроризма. Информации о доступности в публичном информационном пространстве сведений о подлинном (по версии обвинения) характере деятельности указанного фонда материалы данного уголовного дела не содержат.

Информации о предназначении денежных средств для целей, отличных от известных отправителю целей деятельности фонда «Мухаджирун», данное спорное сообщение не содержит.

Таким образом, смысловое содержание, объективно присущее словесному сообщению «Мухаджирун», направленному, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 22.02.2016 в 17:26:27, рассматриваемому как письменный продукт речевой деятельности, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела, состоит в следующем: **‘переведенные денежные средства являются пожертвованием на реализацию известных отправителю сообщения целей деятельности благотворительного фонда «Мухаджирун»’**.

При определении того, какие именно цели деятельности фонда «Мухаджирун» были известны отправителю сообщения, подлежат учету следующие обстоятельства:

- в период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, **публично доступными являлись** размещенные в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет **сведения рекламного характера о благотворительных проектах** фонда «Мухаджирун», включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление, совпадающие с реквизитами карт **Анны Сергеевны П.**, по которым **А. М. Хаяури** произвел переводы **22.02.2016 и 26.02.2016**;
- информации о доступности в публичном информационном пространстве сведений о подлинном (по версии обвинения) характере деятельности

указанного фонда, направленной на финансирование терроризма, материалы данного уголовного дела не содержат.

2. Как указано в подразделе 3.1 настоящего заключения, в обстоятельствах данного уголовного дела, описанных в разделе 2 настоящего заключения, словоупотребление *газа*, составляющее одно из спорных сообщений, сопровождавших банковские переводы, **не может** рассматриваться как форма родительного падежа **общеупотребительного существительного современного русского языка *газ***, обозначающего одно из физических агрегатных состояний вещества, газообразное топливо и т.п. В силу тех же причин **исключается** трактовка данного словоупотребления как формы омонимичного существительного, обозначающего шелковую прозрачную ткань.

Как указано в подразделе 3.2 настоящего заключения, **если предположить**, что словоформа *газа* **все же имеет некое отношение к слову *газават***, она может быть только русской транскрипцией или транслитерацией однокоренного с термином *газават* арабского глагола, стоящего в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени. В этой форме глагол означает **‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’**. Указанная русская транслитерация («газа») личной формы арабского глагола никогда и никем не использовалась в российском дискурсе — ни в письменном, ни в устном, ни среди мусульман, ни россиянами в целом. Акт коммуникации, объединяющий перечисление денежных средств с сообщением отправителя получателю о том, что кто-то на кого-то напал, мог бы быть осмысленным в какой-то иной ситуации (например, отправитель ранее заказал получателю организацию нападения на известное им обоим лицо, а теперь подтверждает «приемку оказанных услуг» и производит расчет за них), но не в обстоятельствах данного уголовного дела. Таким образом, **рассматриваемое спорное сообщение А. М. Хаяури не может быть осмысленно интерпретировано как сообщение, связанное с понятием газавата.**

Как показано в подразделах 3.4 и 3.5 настоящего заключения, **единственная возможная смысловая интерпретация словесного сообщения «Газа»**, направленного, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, **соответствующая и не противоречащая обстоятельствам данного уголовного дела, формирующим коммуникативную ситуацию этого сообщения, состоит в следующем: данное сообщение обозначает, что денежные средства, перевод которых оно сопровождает, предназначены для реализации благотворительным фондом — получателем перевода гуманитарного проекта на территории сектора Газа; сведения рекламного характера о существовании такого проекта, реализуемого фондом «Мухаджирун», с побуждением к осуществлению пожертвований на его реализацию именно на ту карту Анны Сергеевны П., на которую А. М. Хаяури произвел указанный перевод, и с побуждением сопровождать перевод денег сообщением, содержащим слово, совпадающее по составу графем с транслитерацией буквами латиницы топонима *Газа*, являлись публично доступными** в период времени, к которому относятся данный банковский перевод и данное сообщение.

Таким образом, смысловое содержание, объективно присущее словесному сообщению «Газа», направленному, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на

который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, рассматриваемому как письменный продукт речевой деятельности, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела, состоит в следующем: **‘переведенные денежные средства являются пожертвованием на реализацию осуществляемого благотворительным фондом «Мухаджирун» гуманитарного проекта на территории сектора Газа, сведения о котором являются публично доступными в период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2’.**

3. Как указано в подразделе 3.2 настоящего заключения, **если предположить**, что словоформа *газа* все же имеет некое отношение к слову *газават*, она может быть только русской транскрипцией или транслитерацией однокоренного с термином *газават* арабского глагола, стоящего в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени. В этой форме глагол означает **‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’**. Указанная русская транслитерация («газа») личной формы арабского глагола никогда и никем не использовалась в российском дискурсе — ни в письменном, ни в устном, ни среди мусульман, ни россиянами в целом. Акт коммуникации, объединяющий перечисление денежных средств с сообщением отправителя получателю о том, что кто-то на кого-то напал, мог бы быть осмысленным в какой-то иной ситуации (например, отправитель ранее заказал получателю организацию нападения на известное им обоим лицо, а теперь подтверждает «приемку оказанных услуг» и производит расчет за них), но не в обстоятельствах данного уголовного дела.

Таким образом, слово «Газа» в указанной коммуникативной ситуации не может трактоваться как нарицательное слово, заимствованное из арабского языка.

4. Статус номинации *газават* как общепринятого исторического и (или) религиоведческого термина и его наполнение являются спорными в науке.

В частности, согласно точке зрения Р. Шеффера, обозначение *газават* является не более чем «народным термином», довольно распространенным именно на Северном Кавказе и фактически означающим то же, что *джихад*.

Принципиально иной является традиционная точка зрения, в соответствии с которой газаватом называется оборонительная война, направленная на защиту земель мусульман от неверных, которая (в отличие от военного джихада) может объявляться не только духовными лицами, но и светскими властями. Возникновение термина *газават* относится к доисламскому периоду. В истории Российской империи термин *газават* фигурирует в эпоху имамата Шамиля именно как попытка адресации инсургентов к этой раннеисламской традиции

В настоящее время понятия *военный джихад* и *газават* проявляют тенденцию к смысловому сближению, но при этом вполне отчетливым остается противопоставление газавата и джихада по оборонительному/наступательному признаку: военный джихад понимается прежде всего как способ распространения ислама, в т. ч. и военным путем

Более подробно лингвистические, исторические и религиоведческие свойства понятия *газават* описаны в подразделе 3.3 настоящего заключения.

Понятие газавата, по мнению комиссии специалистов, может быть потенциально значимым для разрешения данного уголовного дела исключительно в контексте оценки содержания показаний свидетеля А. П. Кадимагомедова и специалиста Р. Ф. Патева и проявленного ими уровня специальных знаний.

5. Как указано в подразделе 3.2 настоящего заключения, **если предположить**, что словоформа *газа* все же имеет некое отношение к слову *газават*, она может быть только русской транскрипцией или транслитерацией однокоренного с термином *газават* арабского глагола, стоящего в форме 3-го лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени. В этой форме глагол означает **‘(он) напал (совершил набег, устроил нашествие)’**. Указанная русская транслитерация («газа») личной формы арабского глагола никогда и никем не использовалась в российском дискурсе — ни в письменном, ни в устном, ни среди мусульман, ни россиянами в целом.

Таким образом, трактовка слова «Газа» при его употреблении в современной русскоязычной среде, в том числе в речевой практике российских мусульман или какой-то их подгруппы как производного от слова «газават», не соответствует современной речевой практике; такая трактовка не является ни допустимой, ни возможной с лингвистической и религиоведческой точек зрения.

6. Описанная в подразделе 3.7 настоящего заключения совокупность специальных суждений свидетеля А. П. Кадимагомедова:

- **об узусе** (сложившейся практике употребления языковых средств) **современного русского языка** в части исламского дискурса как его подмножества;
- **о системе значений и способах перевода арабских слов;**
- **о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —**

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, **позволяет констатировать, что** в ходе допросов указанного свидетеля на стадиях предварительного и судебного следствия **указанным свидетелем был проявлен такой уровень специальных знаний** в указанных областях, **который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным свидетелю в ходе его допросов вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела.** (Комиссия специалистов считает необходимым пояснить, что объектом специальной оценки в данном суждении комиссии специалистов не является наличие или отсутствие у свидетеля А. П. Кадимагомедова специальной компетенции как таковой: подобная оценка является прерогативой суда; комиссия специалистов оценивает лишь наблюдаемые в объективной форме — в продуктах речевой деятельности указанного свидетеля, зафиксированных его показаниями, — проявления уровня его специальной компетенции.)

7. Описанная в подразделе 3.8 настоящего заключения совокупность специальных суждений специалиста Р. Ф. Патева:

- **об узусе** (сложившейся практике употребления языковых средств) **современного русского языка** в части исламского дискурса как его подмножества;
- **о системе значений и способах перевода арабских слов;**
- **об арабском глагольном формообразовании;**
- **об орфографии и орфоэпии арабского языка;**
- **о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —**

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, **позволяет констатировать, что в ходе допроса специалиста Р. Ф. Патеева на стадии судебного следствия им был проявлен такой уровень специальных знаний** в указанных областях, **который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным специалисту в ходе его допроса вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела.** (Комиссия специалистов считает необходимым пояснить, что объектом специальной оценки в данном суждении комиссии специалистов не является наличие или отсутствие у специалиста Р. Ф. Патеева специальной компетенции как таковой: подобная оценка является прерогативой суда; комиссия специалистов оценивает лишь наблюдаемые в объективной форме — в продуктах речевой деятельности Р. Ф. Патеева, зафиксированных его показаниями, — проявления уровня его специальной компетенции.)

В Ы В О Д Ы:

1. Смысловое содержание, объективно присущее словесному сообщению «**Мухаджирун**», направленному, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 22.02.2016 в 17:26:27, рассматриваемому как письменный продукт речевой деятельности, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела, состоит в следующем: **‘переведенные денежные средства являются пожертвованием на реализацию известных отправителю сообщения целей деятельности благотворительного фонда «Мухаджирун»’.**

При определении того, какие именно цели деятельности фонда «Мухаджирун» были известны отправителю сообщения, подлежат учету следующие обстоятельства:

- в период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2, **публично доступными являлись** размещенные в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет **сведения рекламного характера о благотворительных проектах фонда**

«Мухаджирун», включая реквизиты для приема пожертвований на их осуществление, совпадающие с реквизитами карт Анны Сергеевны П., по которым А. М. Хаяури произвел переводы 22.02.2016 и 26.02.2016;

- информации о доступности в публичном информационном пространстве сведений о подлинном (по версии обвинения) характере деятельности указанного фонда, направленной на финансирование терроризма, материалы данного уголовного дела не содержат.

2. Смысловое содержание, объективно присущее словесному сообщению «Газа», направленному, согласно протоколу осмотра от 11.01.2021, на который ссылается суд первой инстанции в тексте приговора по данному уголовному делу (с. 3 приговора), отправителем перевода 10000 рублей, совершенного 26.02.2016 в 20:26:27, рассматриваемому как письменный продукт речевой деятельности, в коммуникативной ситуации, определяемой обстоятельствами данного уголовного дела, состоит в следующем: **‘переведенные денежные средства являются пожертвованием на реализацию осуществляемого благотворительным фондом «Мухаджирун» гуманитарного проекта на территории сектора Газа, сведения о котором являются публично доступными в период времени, к которому относятся акты коммуникации, в отношении которых перед специалистами поставлены вопросы № 1 и № 2’.**

3. Слово «Газа» в указанной коммуникативной ситуации **не может трактоваться как нарицательное слово, заимствованное из арабского языка.**

4. Статус номинации *газават* как общепринятого исторического и (или) религиоведческого термина и его наполнение являются спорными в науке.

В частности, согласно точке зрения Р. Шеффера, обозначение *газават* является не более чем «народным термином», довольно распространенным именно на Северном Кавказе и фактически означающим то же, что *джихад*.

Принципиально иной является традиционная точка зрения, в соответствии с которой газаватом называется оборонительная война, направленная на защиту земель мусульман от неверных, которая (в отличие от военного джихада) может объявляться не только духовными лицами, но и светскими властями. Возникновение термина *газават* относится к доисламскому периоду. В истории Российской империи термин *газават* фигурирует в эпоху имамата Шамиля именно как попытка адресации инсургентов к этой раннеисламской традиции

В настоящее время понятия *военный джихад* и *газават* проявляют тенденцию к смысловому сближению, но при этом вполне отчетливым остается противопоставление газавата и джихада по оборонительному/наступательному признаку: военный джихад понимается прежде всего как способ распространения ислама, в т. ч. и военным путем

Более подробно лингвистические, исторические и религиоведческие свойства понятия *газават* описаны в подразделе 3.3 настоящего заключения.

Понятие газавата, по мнению комиссии специалистов, может быть потенциально значимым для разрешения данного уголовного дела исключительно в контексте оценки содержания показаний свидетеля А. П. Кадимагомедова и специалиста Р. Ф. Патева в части проявленного ими уровня специальных знаний. **С содержанием спорных сообщений осужденного А. М. Хаяури, сопровождающих банковские переводы, данное понятие не связано.**

5. Трактовка слова «Газа» при его употреблении в современной русскоязычной среде, в том числе в речевой практике российских мусульман или какой-то их подгруппы, как производного от слова «газават» не соответствует современной речевой практике; такая трактовка не является ни допустимой, ни возможной с лингвистической и религиоведческой точек зрения.

6. Описанная в подразделе 3.7 исследовательской части настоящего заключения совокупность специальных суждений свидетеля А. П. Кадимагомедова:

- **об узусе** (сложившейся практике употребления языковых средств) **современного русского языка** в части исламского дискурса как его подмножества;
- **о системе значений и способах перевода арабских слов;**
- **о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —**

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, **позволяет констатировать, что** в ходе допросов указанного свидетеля на стадиях предварительного и судебного следствия **указанным свидетелем был проявлен такой уровень специальных знаний** в указанных областях, **который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным свидетелю в ходе его допросов вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела.** (Комиссия специалистов считает необходимым пояснить, что объектом специальной оценки в данном суждении комиссии специалистов не является наличие или отсутствие у свидетеля А. П. Кадимагомедова специальной компетенции как таковой: подобная оценка является прерогативой суда; комиссия специалистов оценивает лишь наблюдаемые в объективной форме — в продуктах речевой деятельности указанного свидетеля, зафиксированных его показаниями, — проявления уровня его специальной компетенции.)

7. Описанная в подразделе 3.8 настоящего заключения совокупность специальных суждений специалиста Р. Ф. Патеева:

- об узусе (сложившейся практике употребления языковых средств) современного русского языка в части исламского дискурса как его подмножества;
- о системе значений и способах перевода арабских слов;
- об арабском глагольном формообразовании;
- об орфографии и орфоэпии арабского языка;
- о понятийном содержании исторических и религиоведческих терминов, —

которые являются ложными с солидарной точки зрения составившей настоящее заключение комиссии специалистов, обладающих документально подтверждаемыми специальными знаниями в областях лингвистики (в том числе арабской филологии), истории и религиоведения, позволяет констатировать, что в ходе допроса специалиста Р. Ф. Патеева на стадии судебного следствия им был проявлен такой уровень специальных знаний в указанных областях, который определенно не является достаточным для получения истинных суждений по заданным специалисту в ходе его допроса вопросам специального лингвистического, исторического и религиоведческого характера, являющимся существенными для разрешения данного уголовного дела. (Комиссия специалистов считает необходимым пояснить, что объектом специальной оценки в данном суждении комиссии специалистов не является наличие или отсутствие у специалиста Р. Ф. Патеева специальной компетенции как таковой: подобная оценка является прерогативой суда; комиссия специалистов оценивает лишь наблюдаемые в объективной форме — в продуктах речевой деятельности Р. Ф. Патеева, зафиксированных его показаниями, — проявления уровня его специальной компетенции.)

Специалист-лингвист

И. В. Жарков

Специалист-лингвист

М. Н. Суворов

*Специалист в областях
истории и религиоведения*

Д. В. Дубровский

Приложения:

Приложение № 1: Квалификационные свидетельства специалистов.

Приложение № 2: Правоустанавливающие свидетельства экспертной организации